

Даниель Дефо

РОБИНЗОН КРУЗО

МОСКВА
2023

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д39

Пересказ на русский язык *Корнея Чуковского*

Дизайн и оформление серии «КиС (Классическая
и Современная литература)» *Николая Ткача*

Оформление серии «(Всемирная литература
(с картинкой)» *Натальи Ярусовой*

В коллаже на обложке использованы репродукции работ
художников *Карла Оффтердингера*
и *Александра Фрэнка Лайдона*

Дефо, Даниель.

Д39 Робинзон Крузо / Даниель Дефо ; [пересказ
с английского К. Чуковского]. — Москва : Эксмо,
2023. — 256 с. : ил.

ISBN 978-5-04-188162-7 (КиС (Классическая
и Современная литература)

ISBN 978-5-04-116637-3 (Всемирная литература
(с картинкой)

Увлекательная приключенческая повесть о судьбе оказавшегося на необитаемом острове англичанина — одно из самых знаковых произведений мировой литературы. Первый настоящий роман эпохи Просвещения, знакомый каждому с детства.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-188162-7
(КиС (Классическая
и Современная литература)
ISBN 978-5-04-116637-3
(Всемирная литература
(с картинкой)

© Чуковский К., пересказ на русский язык.
Наследники, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

СЕМЬЯ РОБИНЗОНА. — ЕГО ПОБЕГ ИЗ РОДИТЕЛЬСКОГО ДОМА

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и, не отрывая глаз, рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

— Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! — Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: — Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою.

В глазах у него блеснули слезы. Он любил меня и хотел мне добра.

Мне стало жаль старика, я твердо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но — увы! — прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять потянуло к морским берегам. Мне

стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я все же решил убежать. Выбрав время, когда мать была весела и спокойна, я подошел к ней и почтительно сказал:

— Мне уже восемнадцать лет, а в эти годы поздно учиться судейскому делу. Если бы даже я и поступил куда-нибудь на службу, я все равно через несколько дней убежал бы в далекие страны. Мне так хочется видеть чужие края, побывать и в Африке, и в Азии! Если я и пристроюсь к какому-нибудь делу, у меня все равно не хватит терпения довести его до конца. Прошу вас, уговорите отца отпустить меня в море хотя бы на короткое время, для пробы; если жизнь моряка не понравится мне, я вернусь домой и больше никуда не уеду. Пусть отец отпустит меня добровольно, так как иначе я буду вынужден уйти из дому без его разрешения.

Мать очень рассердилась на меня и сказала:

— Удивляюсь, как можешь ты думать о морских путешествиях после твоего разговора с отцом! Ведь

отец требовал, чтобы ты раз и навсегда позабыл о чужих краях. А он лучше тебя понимает, каким делом тебе заниматься. Конечно, если ты хочешь себя погубить, уезжай хоть сию минуту, но можешь быть уверен, что мы с отцом никогда не дадим согласия на твоё путешествие. И напрасно ты надеялся, что я стану тебе помогать. Нет, я ни слова не скажу отцу о твоих бессмысленных мечтах. Я не хочу, чтобы впоследствии, когда жизнь на море доведет тебя до нужды и страданий, ты мог упрекнуть свою мать в том, что она потакала тебе.

Потом, через много лет, я узнал, что матушка все же передала отцу весь наш разговор, от слова до слова. Отец был опечален и сказал ей со вздохом:

— Не понимаю, чего ему нужно? На родине он мог бы без труда добиться успеха и счастья. Мы люди небогатые, но кое-какие средства у нас есть. Он может жить вместе с нами, ни в чем не нуждаясь. Если же он пустится странствовать, он испытает тяжкие невзгоды и пожалеет, что не послушался отца. Нет, я не могу отпустить его в море. Вдали от родины он будет одинок, и, если с ним случится беда, у него не найдется друга, который мог бы утешить его. И тогда он раскается в своем безрассудстве, но будет поздно!

И все же через несколько месяцев я бежал из родного дома. Произошло это так. Однажды я поехал на несколько дней в город Гульль. Там я встретил одного приятеля, который собирался отправиться в Лондон на корабле своего отца. Он стал уговаривать меня ехать вместе с ним, соблазняя тем, что проезд на корабле будет бесплатный.

И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, — в недобрый час! — 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрег их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, что я сделал.

Глава 2

ПЕРВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА МОРЕ

Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка.

Я никогда еще не бывал в море, и мне стало худо. Голова у меня закружилась, ноги задрожали, меня затошнило, я чуть не упал. Всякий раз, когда на корабль налетала большая волна, мне казалось, что мы сию минуту утонем. Всякий раз, когда корабль падал с высокого гребня волны, я был уверен, что ему уже никогда не подняться.

Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив, если нога моя снова ступит на твердую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.

Этих благоразумных мыслей хватило у меня лишь на то время, пока бушевала буря.

Но ветер стих, волнение улеглось, и мне стало гораздо легче. Понемногу я начал привыкать к морю. Правда, я еще не совсем отделался от морской болезни, но к концу дня погода прояснилась, ветер совсем утих, наступил восхитительный вечер.

Всю ночь я проспал крепким сном. На другой день небо было такое же ясное. Тихое море при полном безветрии, все озаренное солнцем, представляло такую прекрасную картину, какой я еще никогда не видал. От моей морской болезни не осталось и следа. Я сразу успокоился, и мне стало весело.

С удивлением я оглядывал море, которое еще вчера казалось буйным, жестоким и грозным, а сегодня было такое кроткое, ласковое.

Тут, как нарочно, подходит ко мне мой приятель, соблазнивший меня ехать вместе с ним, хлопает по плечу и говорит:

— Ну, как ты себя чувствуешь, Боб? Держу пари, что тебе было страшно. Признавайся: ведь ты очень испугался вчера, когда подул ветерок?

— Ветерок? Хорош ветерок! Это был бешеный шквал. Я и представить себе не мог такой ужасной бури!

— Бури? Ах ты глупец! По-твоему, это буря? Ну да ты в море еще новичок: немудрено, что испугался... Пойдем-ка лучше да прикажем подать себе пуншу, выпьем по стакану и позабудем о буре. Взгляни, какой ясный день! Чудесная погода, не правда ли?

Чтобы сократить эту горестную часть моей повести, скажу только, что дело пошло, как обыкновенно у моряков: я напился пьян и утопил в вине все свои обещания и клятвы, все свои похвальные мысли о немедленном возвращении домой. Как только наступил штиль и я перестал бояться, что волны проглотят меня, я тотчас же позабыл все свои благие намерения.

На шестой день мы увидели вдали город Ярмут. Ветер после бури был встречный, так что мы очень медленно продвигались вперед. В Ярмуте нам пришлось бросить якорь. Мы простояли в ожидании попутного ветра семь или восемь дней.

В течение этого времени сюда же пришло много судов из Ньюкасла. Мы, впрочем, не простояли бы так долго и вошли бы в реку вместе с приливом, но ветер становился все свежее, а дней через пять задул изо всех сил.

Так как на нашем корабле якоря и якорные канаты были крепкие, наши матросы не выказывали ни малейшей тревоги. Они были уверены, что судно находится в полной безопасности, и, по обычаю матросов, отдавали все свое свободное время веселым развлечениям и забавам.

Однако на девятый день к утру ветер еще посвежел, и вскоре разыгрался страшный шторм. Даже испытанные моряки были сильно испуганы. Я несколько раз слышал, как наш капитан, проходя мимо меня то в каюту, то из каюты, бормотал вполголоса: «Мы пропали! Мы пропали! Конец!»

Все же он не терял головы, зорко наблюдал за работой матросов и принимал все меры, чтобы спасти свой корабль.

До сих пор я не испытывал страха: я был уверен, что эта буря так же благополучно пройдет, как и первая. Но когда сам капитан заявил, что всем нам пришел конец, я страшно испугался и выбежал из каюты на палубу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть столь ужасное зрелище. По морю, словно высокие горы, ходили громадные волны, и каждые три-четыре минуты на нас обрушивалась такая гора.

Сперва я оцепенел от испуга и не мог смотреть по сторонам. Когда же наконец я осмелился глянуть назад, я понял, какое бедствие разразилось над нами. На двух тяжело груженных судах, которые стояли тут же неподалеку на якоре, матросы рубили мачты, чтобы корабли хоть немного освободились от тяжести.

Кто-то крикнул отчаянным голосом, что корабль, стоявший впереди, в полумиле от нас, сию минуту исчез под водой.

Еще два судна сорвались с якорей, буря унесла их в открытое море. Что ожидало их там? Все их мачты были сбиты ураганом.

Мелкие суда держались лучше, но некоторым из них тоже пришлось пострадать: два-три суденышка пронесло мимо наших бортов прямо в открытое море.

Вечером штурман и боцман пришли к капитану и заявили ему, что для спасения судна необходимо срубить фок-мачту¹.

— Медлить нельзя ни минуты! — сказали они. — Прикажете, и мы срубим ее.

— Подождем еще немного, — возразил капитан. — Может быть, буря уляжется.

Ему очень не хотелось рубить мачту, но боцман стал доказывать, что, если мачту оставить, корабль пойдет ко дну, — и капитан поневоле согласился.

А когда срубили фок-мачту, грот-мачта² стала так сильно качаться и раскачивать судно, что пришлось срубить и ее.

Наступила ночь, и вдруг один из матросов, спускавшийся в трюм, закричал, что судно дало течь. В трюм послали другого матроса, и он доложил, что вода поднялась уже на четыре фута³.

Тогда капитан скомандовал:

— Выкачивай воду! Все к помпам!⁴

Когда я услышал эту команду, у меня от ужаса замерло сердце: мне показалось, что я умираю, ноги мои подкосились, и я упал навзничь на койку. Но матросы растолкали меня и потребовали, чтобы я не отлынивал от работы.

— Довольно ты бездельничал, пора и потрудиться! — сказали они.

Нечего делать, я подошел к помпе и принялся усердно выкачивать воду.

¹ Фок-мачта — передняя мачта.

² Грот-мачта — средняя мачта.

³ Фут — английская мера длины, около трети метра.

⁴ П о м п а — насос для выкачивания воды.

В это время мелкие грузовые суда, которые не могли устоять против ветра, подняли якоря и вышли в открытое море.

Увидев их, наш капитан приказал выпалить из пушки, чтобы дать им знать, что мы находимся в смертельной опасности. Услышав пушечный залп и не понимая, в чем дело, я вообразил, что наше судно разбилось. Мне стало так страшно, что я лишился чувств и упал. Но в ту пору каждый заботился о спасении своей собственной жизни, и на меня не обратили внимания. Никто не поинтересовался узнать, что случилось со мной. Один из матросов стал к помпе на мое место, отодвинув меня ногою. Все были уверены, что я уже мертв. Так я пролежал очень долго. Очнувшись, я снова взялся за работу. Мы трудились не покладая рук, но вода в трюме поднималась все выше.

Было очевидно, что судно должно затонуть. Правда, шторм начинал понемногу стихать, но для нас не предвиделось ни малейшей возможности продержаться на воде до той поры, пока мы войдем в гавань. Поэтому капитан не переставал палить из пушек, надеясь, что кто-нибудь спасет нас от гибели.

Наконец ближайшее к нам небольшое судно рискнуло спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Шлюпку каждую минуту могло опрокинуть, но она все же приблизилась к нам. Увы, мы не могли попасть в нее, так как не было никакой возможности причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью для спасения нашей. Мы бросили им канат. Им долго не удавалось поймать его, так как буря относила его в сторону. Но, к счастью, один из смельчаков изловчился и после многих неудачных попыток схватил канат за самый конец. Тогда мы подтянули шлюпку под нашу корму и все до одного спустились в нее. Мы хотели было добраться до их корабля, но не мо-

гли сопротивляться волнам, а волны несли нас к берегу. Оказалось, что только в этом направлении и можно грести.

Не прошло и четверти часа, как наш корабль стал погружаться в воду.

Волны, швырявшие нашу шлюпку, были так высоки, что из-за них мы не видели берега. Лишь в самое короткое мгновение, когда нашу шлюпку подбрасывало на гребень волны, мы могли видеть, что на берегу собралась большая толпа: люди бегали взад и вперед, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдем ближе. Но мы подвигались к берегу очень медленно.

Только к вечеру удалось нам выбраться на сушу, да и то с величайшими трудностями.

В Ярмут нам пришлось идти пешком. Там нас ожидала радушная встреча: жители города, уже знавшие о нашем несчастье, отвели нам хорошие жилища, угостили отличным обедом и снабдили нас деньгами, чтобы мы могли добраться куда захотим, — до Лондона или до Гулля.

Неподалеку от Гулля был Йорк, где жили мои родители, и, конечно, мне следовало вернуться к ним. Они простили бы мне самовольный побег, и все мы были бы так счастливы!

Но безумная мечта о морских приключениях не покидала меня и теперь. Хотя трезвый голос рассудка говорил мне, что в море меня ждут новые опасности и беды, я снова стал думать о том, как бы мне попасть на корабль и объездить по морям и океанам весь свет.

Мой приятель (тот самый, отцу которого принадлежало погибшее судно) был теперь угрюм и печален. Случившееся бедствие угнетало его. Он познакомил меня со своим отцом, который тоже не переставал горевать об утонувшем корабле. Узнав

от сына о моей страсти к морским путешествиям, старик сурово взглянул на меня и сказал:

— Молодой человек, вам никогда больше не следует пускаться в море. Я слышал, что вы трусливы, избалованы и падаете духом при малейшей опасности. Такие люди не годятся в моряки. Вернитесь скорее домой и примиритесь с родными. Вы сами на себе испытали, как опасно путешествовать по морю.

Я чувствовал, что он прав, и не мог ничего возразить. Но все же я не вернулся домой, так как мне было стыдно показаться на глаза моим близким. Мне чудилось, что все наши соседи будут издеваться надо мной; я был уверен, что мои неудачи сделают меня посмешищем всех друзей и знакомых.

Впоследствии я часто замечал, что люди, особенно в молодости, считают зазорными не те бессовестные поступки, за которые мы зовем их глупцами, а те добрые и благородные дела, что совершаются ими в минуты раскаяния, хотя только за эти дела и можно называть их разумными. Таким был и я в ту пору. Воспоминания о бедствиях, испытанных мною во время кораблекрушения, мало-помалу изгладились, и я, прожив в Ярмуте две-три недели, поехал не в Гулль, а в Лондон.

Глава 3

РОБИНЗОН ПОПАДАЕТ В ПЛЕН. — БЕГСТВО

Большим моим несчастьем было то, что во время всех моих приключений я не поступил на корабль матросом. Правда, мне пришлось бы работать больше, чем я привык, зато в конце концов я научился бы мореходному делу и мог бы со временем сделать

ся штурманом, а пожалуй, и капитаном. Но в ту пору я был так неразумен, что из всех путей всегда выбирал самый худший. Так как в то время у меня была щегольская одежда и в кармане водились деньги, я всегда являлся на корабль праздным шалопаем: ничего там не делал и ничему не учился.

Юные сорванцы и бездельники обычно попадают в дурную компанию и в самое короткое время окончательно сбиваются с пути. Такая же участь ждала и меня, но, к счастью, по приезде в Лондон мне удалось познакомиться с почтенным пожилым капитаном, который принял во мне большое участие. Незадолго перед тем он ходил на своем корабле к берегам Африки, в Гвинею. Это путешествие дало ему немалую прибыль, и теперь он собирался снова отправиться в те же края.

Я понравился ему, так как был в ту пору недурным собеседником. Он часто проводил со мною свободное время и, узнав, что я желаю увидеть заморские страны, предложил мне пуститься в плавание на его корабле.

— Вам это ничего не будет стоить, — сказал он, — я не возьму с вас денег ни за проезд, ни за еду. Вы будете на корабле моим гостем. Если же вы захватите с собой какие-нибудь вещи и вам удастся очень выгодно сбыть их в Гвинее, вы получите целиком всю прибыль. Попытайте счастья — может быть, вам и повезет.

Так как этот капитан пользовался общим доверием, я охотно принял его приглашение.

Отправляясь в Гвинею, я захватил с собой кое-какого товару: закупил на сорок фунтов стерлингов¹ различных побрякушек и стеклянных изделий, находивших хороший сбыт у дикарей.

¹ Фунт стерлингов — английские деньги; около десяти рублей золотом.

Эти сорок фунтов я добыл при содействии близких родственников, с которыми состоял в переписке: я сообщил им, что собираюсь заняться торговлей, и они уговорили мою мать, а быть может, отца помочь мне хоть незначительной суммой в первом моем предприятии.

Эта поездка в Африку была, можно сказать, моим единственным удачным путешествием. Конечно, своей удачей я был всецело обязан бескорыстию и доброте капитана.

Во время пути он занимался со мной математикой и учил меня корабельному делу. Ему доставляло удовольствие делиться со мной своим опытом, а мне — слушать его и учиться у него.

Путешествие сделало меня и моряком, и купцом: я выменял на свои побрякушки пять фунтов и девять унций¹ золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил изрядную сумму.

Итак, я мог считать себя богатым промышленником, ведущим успешно торговлю с Гвинеей.

Но, на мое несчастье, мой друг капитан вскоре по возвращении в Англию умер, и мне пришлось совершить второе путешествие на свой страх, без дружеского совета и помощи.

Я отплыл из Англии на том же корабле. Это было самое несчастное путешествие, какое когда-либо предпринимал человек.

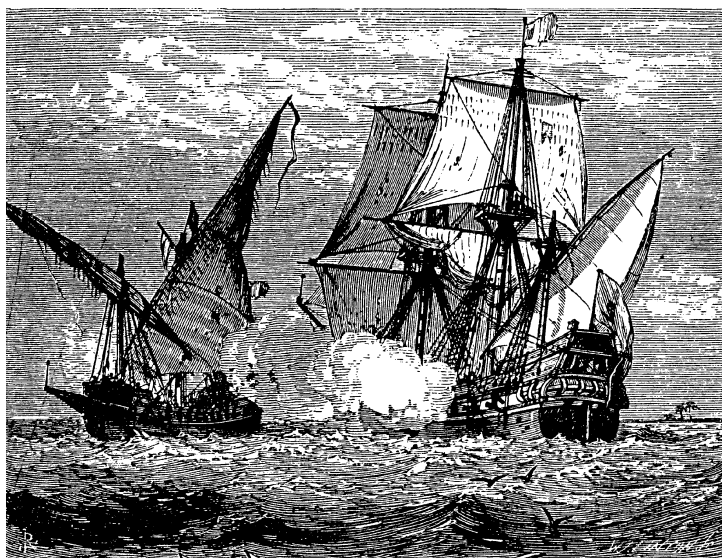
Однажды на рассвете, когда мы после долгого плавания шли между Канарскими островами и Африкой, на нас напали пираты — морские разбойники. Это были турки из Салеха. Они издали заметили нас и на всех парусах пустились за нами вдогонку.

Сначала мы надеялись, что нам удастся спастись от них бегством, и тоже подняли все паруса. Но вскоре стало ясно, что через пять-шесть часов они непременно догонят нас. Мы поняли, что нужно го-

¹ То есть около двух с половиной килограммов.

товиться к бою. У нас было двенадцать пушек, а у врага — восемнадцать.

Около трех часов пополудни разбойничий корабль догнал нас, но пираты сделали большую ошибку: вместо того чтобы подойти к нам с кормы, они подошли с левого борта, где у нас было восемь пушек. Воспользовавшись их ошибкой, мы навели на них все эти пушки и дали залп.

Турок было не меньше двухсот человек, поэтому они ответили на нашу пальбу не только пушечным, но и оружейным залпом из двух сотен ружей.

К счастью, у нас никого не задело, все остались целы и невредимы. После этой схватки пиратское судно отошло на полмили¹ и стало готовиться к новому нападению. Мы же, со своей стороны, приготовились к новой защите.

¹ Милья морская равна 1852 метрам, сухопутная — 1609 метрам.

На этот раз враги подошли к нам с другого борта и взяли нас на абордаж, то есть зацепились за наш борт баграми; человек шестьдесят ворвались на палубу и первым делом бросились рубить мачты и снасти.

Мы встретили их ружейной стрельбой и дважды очищали от них палубу, но все же принуждены были сдаться, так как наш корабль уже не годился для дальнейшего плавания. Трое из наших людей были убиты, восемь человек ранены. Нас отвезли в качестве пленников в морской порт Салех, принадлежавший маврам¹.

Других англичан отправили в глубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен.

Я горько заплакал: мне вспомнилось предсказание отца, что рано или поздно со мной случится беда и никто не придет мне на помощь. Я думал, что именно меня и постигла такая беда. Увы, я не подозревал, что меня ждали впереди еще более тяжелые беды.

Так как мой новый господин, капитан разбойничьего судна, оставил меня при себе, я надеялся, что, когда он снова отправится грабить морские суда, он возьмет с собою и меня. Я был твердо уверен, что в конце концов он попадет в плен какому-нибудь испанскому или португальскому военному кораблю и тогда мне возвратят свободу.

Но скоро я понял, что эти надежды напрасны, потому что в первый же раз, как мой господин вышел в море, он оставил меня дома исполнять черную работу, какую обычно исполняют рабы.

¹ М а́ в р ы — здесь: североафриканские арабы-мусульмане.

С этого дня я только и думал о побеге. Но бежать было невозможно: я был одинок и бессилён. Среди пленников не было ни одного англичанина, которому я мог бы довериться.

Два года я протомился в плену, не имея ни малейшей надежды спастись. Но на третий год мне все же удалось бежать.

Произошло это так. Мой господин постоянно, раз или два в неделю, брал корабельную шлюпку и выходил на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал с собой меня и одного мальчишку, которого звали Ксури. Мы усердно гребли и по мере сил развлекали своего господина. А так как я, кроме того, оказался недурным рыболовом, он иногда посылал нас обоих — меня и этого Ксури — за рыбой под присмотром одного старого мавра, своего дальнего родственника.

Однажды мой хозяин пригласил двух очень важных мавров покататься с ним на его парусной шлюпке. Для этой поездки он заготовил большие запасы еды, которые с вечера отослал к себе в шлюпку. Шлюпка была просторная. Хозяин еще года два назад приказал своему корабельному плотнику устроить в ней небольшую каюту, а в каюте — кладовую для провизии. В эту кладовую я и уложил все запасы.

— Может быть, гости захотят поохотиться, — сказал мне хозяин. — Возьми на корабле три ружья и снеси их в шлюпку.

Я сделал все, что мне было приказано: вымыл палубу, поднял на мачте флаг и на другой день с утра сидел в шлюпке, поджидая гостей. Вдруг хозяин пришел один и сказал, что его гости не поедут сегодня, так как их задержали дела. Затем он велел нам троим — мне, мальчику Ксури и мавру — идти в нашей шлюпке на взморье за рыбой.

— Мои друзья придут ко мне ужинать, — сказал он, — и потому, как только вы наловите достаточно рыбы, принесите ее сюда.

Вот тут-то снова пробудилась во мне давнишняя мечта о свободе. Теперь у меня было судно, и, как только хозяин ушел, я стал готовиться, но не к рыбной ловле, а к далекому плаванию. Правда, я не знал, куда я направлю свой путь, но всякая дорога хороша — лишь бы уйти из неволи.

— Следовало бы нам захватить какую-нибудь еду для себя, — сказал я мавру. — Не можем же мы есть без спросу провизию, которую хозяин приготовил для гостей.

Старик согласился со мною и вскоре принес большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды.

Я знал, где стоит у хозяина ящик с вином, и, покуда мавр ходил за провизией, я переправил все бутылки на шлюпку и поставил их в кладовую, как будто они были еще раньше припасены для хозяина.

Кроме того, я принес огромный кусок воску (фунтов пятьдесят весом) да прихватил моток пряжи, топор, пилу и молоток. Все это нам очень пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи.

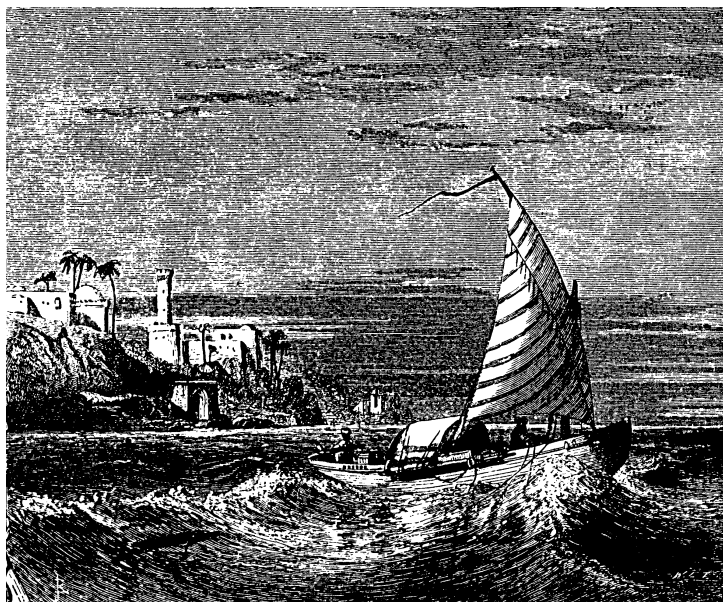
Я придумал еще одну хитрость, и мне опять удалось обмануть простодушного мавра. Его имя было Измаил, поэтому все называли его Моли. Вот я и сказал ему:

— Моли, на судне есть хозяйские охотничьи ружья. Хорошо бы достать немного пороху и несколько зарядов — может быть, нам посчастливится подстрелить себе на обед куликов. Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

— Ладно, — сказал он, — принесу.

И он принес большую кожаную сумку с порохом — фунта полтора весом, а пожалуй, и больше,

да другую, с дробью, — фунтов пять или шесть. Он захватил также и пули. Все это было сложено в шлюпке. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось еще немного пороху, который я насыпал в большую бутылку, вылив из нее предварительно остатки вина.

Запасшись, таким образом, всем необходимым для дальнего плавания, мы вышли из гавани, будто бы на рыбную ловлю. Я опустил мои удочки в воду, но ничего не поймал (я нарочно не вытаскивал удочек, когда рыба попадалась на крючок).

— Здесь мы ничего не поймаем! — сказал я мавру. — Хозяин не похвалит нас, если мы вернемся к нему с пустыми руками. Надо отойти подальше в море. Быть может, вдали от берега рыба будет лучше клевать.

Не подозревая обмана, старый мавр согласился со мною и, так как он стоял на носу, поднял парус.

Я же сидел за рулем, на корме, и, когда судно отошло мили на три в открытое море, я лег в дрейф¹ — как бы для того, чтобы снова приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я шагнул на нос, подошел к мавру сзади, внезапно приподнял его и бросил в море. Он сейчас же вынырнул, потому что плавал как пробка, и стал кричать мне, чтобы я взял его в шлюпку, обещая, что поедет со мною хоть на край света. Он так быстро плыл за судном, что догнал бы меня очень скоро (ветер был слабый, и шлюпка еле двигалась). Видя, что мавр скоро догонит нас, я побежал в каюту, взял там одно из охотничьих ружей, прицелился в мавра и сказал:

— Я не желаю тебе зла, но оставь меня сейчас же в покое и скорее возвращайся домой! Ты хороший пловец, море тихое, ты легко доплывешь до берега. Поворачивай назад, и я не трону тебя. Но если ты не отстанешь от шлюпки, я прострелю тебе голову, потому что твердо решил добыть себе свободу.

Он повернул к берегу и, я уверен, доплыл до него без труда.

Конечно, я мог взять с собой этого мавра, но на старика нельзя было положиться.

Когда мавр отстал от шлюпки, я обратился к мальчику и сказал:

— Ксури, если ты будешь мне верен, я сделаю тебе много добра. Поклянись, что ты никогда не изменишь мне, иначе я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и поклялся, что будет мне верен до гроба и поедет со мной, куда я захочу. Говорил он так чистосердечно, что я не мог не верить ему.

Покуда мавр не приблизился к берегу, я держал курс в открытое море, лавируя против ветра, чтобы все думали, будто мы идем к Гибралтару.

¹ Лечь в дрейф — расположить паруса на судне так, чтобы оно оставалось почти неподвижным.

Но как только начало смеркаться, я стал править на юг, придерживая слегка к востоку, потому что мне не хотелось удаляться от берега. Дул очень свежий ветер, но море было ровное, спокойное, и потому мы шли хорошим ходом.

Когда на другой день к трем часам впереди в первый раз показалась земля, мы очутились уже миль на полтора южнее Салеха, далеко за пределами владений марокканского султана, да и всякого другого из африканских царей. Берег, к которому мы приближались, был совершенно безлюден.

Но в плену я набрался такого страху и так боялся снова попасть к маврам в плен, что, пользуясь благоприятным ветром, подгонявшим мое суденышко к югу, пять дней плыл вперед и вперед, не становясь на якорь и не сходя на берег.

Через пять дней ветер переменился: подуло с юга, и так как я уже не боялся погони, то решил подойти к берегу и бросил якорь в устье какой-то маленькой речки. Не могу сказать, что это за речка, где она протекает и какие люди живут на ее берегах. Берега ее были пустынные, и это меня очень обрадовало, так как у меня не было никакого желания видеть людей. Единственное, что мне было нужно, — пресная вода.

Мы вошли в устье под вечер и решили, когда стемнеет, добраться до суши вплавь и осмотреть все окрестности. Но как только стемнело, мы слышали с берега ужасные звуки: берег кишел зверями, которые так бешено выли, рычали, ревели и лаяли, что бедный Ксури чуть не умер со страху и стал спрашивать меня не сходить на берег до утра.

— Ладно, Ксури, — сказал я ему, — подождем! Но, может быть, при дневном свете мы увидим людей, от которых нам придется, пожалуй, еще хуже, чем от лютых тигров и львов.

— А мы выстрелим в этих людей из ружья, — сказал он со смехом, — они и убегут!

Мне было приятно, что мальчишка ведет себя молодцом. Чтобы он и впредь не унывал, я дал ему глоток вина.

Я последовал его совету, и всю ночь мы просто-таки на якоре, не выходя из лодки и держа наготове ружья. До самого утра нам не пришлось сомкнуть глаз.

Часа через два-три после того, как мы бросили якорь, мы услышали ужасный рев каких-то огромных зверей очень странной породы (какой — мы и сами не знали). Звери приблизились к берегу, вошли в речку, стали плескаться и барахтаться в ней, желая, очевидно, освежиться, и при этом визжали, ревели и выли; таких отвратительных звуков я до той поры никогда не слышал.

Ксури дрожал от страха; правду сказать, испугался и я.

Но мы оба еще больше испугались, когда услышали, что одно из чудовищ плывет к нашему судну. Мы не могли его видеть, но только слышали, как оно отдувается и фыркает, и угадали по одним этим звукам, что чудовище огромно и свирепо.

— Должно быть, это лев, — сказал Ксури. — Поднимем якорь и уйдем отсюда!

— Нет, Ксури, — возразил я, — нам незачем сниматься с якоря. Мы только отпустим канат подлиннее и отойдем подальше в море — звери не погонятся за нами.

Но едва я произнес эти слова, как увидел неизвестного зверя на расстоянии двух весел от нашего судна. Я немного растерялся, однако сейчас же взял из каюты ружье и выстрелил. Зверь повернул назад и поплыл к берегу.

Невозможно описать, какой яростный рев поднялся на берегу, когда прогремел мой выстрел: должно быть, здешние звери никогда раньше не

слышали этого звука. Тут я окончательно убедился, что в ночное время выходить на берег нельзя. Но можно ли будет рискнуть высадиться днем — этого мы тоже не знали. Стать жертвой какого-нибудь дикаря не лучше, чем попасться в когти льву или тигру.

Но нам во что бы то ни стало нужно было сойти на берег здесь или в другом месте, так как у нас не осталось ни капли воды. Нас давно уже мучила жажда. Наконец наступило долгожданное утро. Ксури заявил, что, если я пущу его, он доберется до берега вброд и постарается раздобыть пресной воды. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне, он ответил:

— Если придет дикий человек, он съест меня, а вы останетесь живы.

В этом ответе прозвучала такая любовь ко мне, что я был глубоко растроган.

— Вот что, Ксури, — сказал я, — отправимся оба. А если явится дикий человек, мы застрелим его, и он не съест ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику сухарей и глоток вина; затем мы подтянулись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме ружей да двух пустых кувшинов для воды.

Я не хотел удаляться от берега, чтобы не терять из виду нашего судна. Я боялся, что вниз по реке к нам могут спуститься в своих пирогах¹ дикари. Но Ксури, заметив ложбинку на расстоянии мили от берега, помчался с кувшином туда.

Вдруг я вижу — он бежит назад. «Не погнались ли за ним дикари? — в страхе подумал я. — Не испугался ли он какого-нибудь хищного зверя?»

Я бросился к нему на выручку и, подбежав ближе, увидел, что за спиной у него висит что-то боль-

¹ Пирóга — длинная лодка, выдолбленная из ствола дерева.

шое. Оказалось, он убил какого-то зверька, вроде нашего зайца, только шерсть у него была другого цвета и ноги длиннее. Мы оба были рады этой дичи, но я еще больше обрадовался, когда Ксури сказал мне, что он отыскал в ложбине много хорошей пресной воды.

Наполнив кувшины, мы устроили роскошный завтрак из убитого зверька и пустились в дальнейший путь. Так мы и не нашли в этой местности никаких следов человека.

После того как мы вышли из устья речки, мне еще несколько раз во время нашего дальнейшего плавания приходилось причаливать к берегу за пресной водой.

Однажды ранним утром мы бросили якорь у какого-то высокого мыса. Уже начался прилив. Вдруг Ксури, у которого глаза были, видимо, зорче моих, прошептал:

— Уйдемте подальше от этого берега. Взгляните, какое чудовище лежит вон там, на пригорке! Оно крепко спит, но горе будет нам, когда оно проснется!

Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Ксури, и действительно увидел ужасного зверя. Это был огромный лев. Он лежал под выступом горы.

— Слушай, Ксури, — сказал я, — ступай на берег и убей этого льва.

Мальчик испугался.

— Мне убить его! — воскликнул он. — Да ведь лев проглотит меня, как муху!

Я попросил его не шевелиться и, не сказав ему больше ни слова, принес из каюты все наши ружья (их было три). Одно, самое большое и громоздкое, я зарядил двумя кусками свинца, всыпав предварительно в дуло хороший заряд пороху; в другое вкатил две большие пули, а в третье — пять пуль поменьше.

Взяв первое ружье и тщательно прицелившись, я выстрелил в зверя. Я метил ему в голову, но он

лежал в такой позе (прикрыв голову лапой на уровне глаз), что заряд попал в лапу и раздробил кость. Лев зарычал и вскочил, но, почувствовав боль, свалился, потом поднялся на трех лапах и заковылял прочь от берега, испуская такой отчаянный рев, какого я еще никогда не слышал.

Я был немного смущен тем, что не попал ему в голову; однако, не медля ни минуты, взял второе ружье и выстрелил зверю вдогонку. На этот раз мой заряд попал прямо в цель. Лев свалился, издавая еле слышные хриплые звуки.

Когда Ксури увидел раненого зверя, все его страхи прошли, и он стал просить меня, чтобы я отпустил его на берег.

— Ладно, ступай! — сказал я.

Мальчик прыгнул в воду и поплыл к берегу, работая одной рукой, потому что в другой у него было ружье. Подойдя вплотную к упавшему зверю, он приставил дуло ружья к его уху и прикончил льва.

Было, конечно, приятно подстрелить на охоте льва, но мясо его не годилось в пищу, и я очень жалел, что мы истратили три заряда на такую ничемную дичь. Впрочем, Ксури сказал, что он попытается поживиться кое-чем от убитого льва, и, когда мы вернулись в шлюпку, попросил у меня топор.

— Зачем? — спросил я.

— Отрубить ему голову, — отвечал он.

Однако голову отрубить он не мог, у него не хватило сил: он отрубил только лапу, которую и принес в нашу шлюпку. Лапа была необыкновенных размеров.

Тут мне пришло в голову, что шкура этого льва может нам, пожалуй, пригодиться, и я решил попробовать снять с него шкуру. Мы снова отправились на берег, но я не знал, как взяться за эту работу. Ксури оказался более ловким, чем я.

Работали мы целый день. Шкура была снята только к вечеру. Мы растянули ее на крыше нашей маленькой каюты. Через два дня она совершенно просохла на солнце и потом служила мне постелью.

Отчалив от этого берега, мы поплыли прямо на юг и дней десять-двенадцать подряд не меняли своего направления.

Провизия наша подходила к концу, поэтому мы старались возможно экономнее расходовать наши запасы. На берег мы сходили только за пресной водой.

Я хотел добраться до устья реки Гамбии или Сенегала, то есть до тех мест, которые прилегают к Зеленому мысу, так как надеялся встретить здесь какой-нибудь европейский корабль. Я знал, что, если я не встречу корабля в этих местах, мне останется или пуститься в открытое море на поиски островов, или погибнуть среди чернокожих — другого выбора у меня не было.

Я знал также, что все корабли, которые идут из Европы, куда бы они ни направлялись — к берегам ли Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию, — проходят мимо Зеленого мыса, и потому мне казалось, что все мое счастье зависит только от того, встречу ли я у Зеленого мыса какое-нибудь европейское судно.

«Если не встречу, — говорил я себе, — мне грозит верная смерть».

Глава 4

ВСТРЕЧА С ДИКАРЯМИ

Прошло еще дней десять. Мы неуклонно продолжали продвигаться на юг.

Сперва побережье было пустынно; потом в двух-трех местах мы увидели голых чернокожих людей, которые стояли на берегу и смотрели на нас.

Мне как-то вздумалось выйти на берег и побеседовать с ними, но Ксури, мой мудрый советчик, сказал:

— Не ходи! Не ходи! Не надо!

И все-таки я стал держаться ближе к берегу, чтобы иметь возможность завести с этими людьми разговор. Дикари, очевидно, поняли, чего я хочу, и долго бежали за нами по берегу.

Я заметил, что они безоружны; только у одного из них была в руке длинная тонкая палка. Ксури сказал мне, что это копье и что дикари бросают свои копья очень далеко и удивительно метко. Поэтому я держался в некотором отдалении от них и разговаривал с ними при помощи знаков, стараясь дать им понять, что мы голодны и нуждаемся в пище. Они поняли и стали, в свою очередь, делать мне знаки, чтобы я остановил свою шлюпку, так как они намерены принести нам еду.

Я спустил парус, шлюпка остановилась. Два дикаря побежали куда-то и через полчаса принесли два больших куска сушеного мяса и два мешка с зерном какого-то хлебного злака, растущего в тех местах. Мы не знали, какое это было мясо и какое зерно, однако выразили полную готовность принять и то и другое.

Но как получить предлагаемый дар? Сойти на берег мы не могли: мы боялись дикарей, а они — нас. И вот для того чтобы обе стороны чувствовали себя в безопасности, дикари сложили на берегу всю провизию, а сами отошли подальше. Лишь после того как мы переправили ее на шлюпку, они воротились на прежнее место.

Доброта дикарей растрогала нас, мы благодарили их знаками, так как никаких подарков не могли предложить им взамен.

Впрочем, в ту же минуту нам представился чудесный случай оказать им большую услугу.

Не успели мы отчалить от берега, как вдруг увидели, что из-за гор выбегают два сильных и страшных зверя. Они мчались со всех ног прямо к морю. Нам показалось, что один из них гонится за другим. Бывшие на берегу люди, особенно женщины, страшно испугались. Началась суматоха, многие завизжали, заплакали. Только тот дикарь, у которого было копье, остался на месте, все прочие пустились бежать врассыпную. Но звери неслись прямо к морю и никого из чернокожих не тронули. Тут только я увидел, какие они громадные. Они с разбегу бросились в воду и стали нырять и плавать, так что можно было, пожалуй, подумать, будто они прибежали сюда единственно ради морского купания.

Вдруг один из них подплыл довольно близко к нашей шлюпке. Этого я не ожидал, но тем не менее не был застигнут врасплох: зарядив поскорее ружье, я приготовился встретить врага. Как только он приблизился к нам на расстояние ружейного выстрела, я спустил курок и прострелил ему голову. В тот же миг он погрузился в воду, потом вынырнул и поплыл обратно к берегу, то исчезая в воде, то снова появляясь на поверхности. Он боролся со смертью, захлебываясь водой и истекая кровью. Не доплыв до берега, он издох и пошел ко дну.

Никакими словами нельзя передать, как были ошеломлены дикари, когда услышали грохот и увидели огонь моего выстрела: иные чуть не умерли со страху и упали на землю как мертвые.

Но, видя, что зверь убит и что я делаю им знаки подойти ближе к берегу, они осмелели и столпились у самой воды: видимо, им очень хотелось найти под водою убитого зверя. В том месте, где он утонул, вода была окрашена кровью, и потому я легко отыскал его. Зацепив его веревкой, я бросил ее конец дикарям, и они притянули убитого зверя к берегу. Это был большой леопард с необыкновенно красивой пятнистой шкурой. Дикари, стоя над ним, от

изумления и радости подняли руки кверху; они не могли понять, чем я убил его.

Другой зверь, испугавшись моего выстрела, подплыл к берегу и помчался обратно в горы.

Я заметил, что дикарям очень хочется полакомиться мясом убитого леопарда, и мне пришло в голову, что будет хорошо, если они получают его от меня в дар.

Я показал им знаками, что они могут взять зверя себе.

Они горячо поблагодарили меня и в тот же миг принялись за работу. Ножей у них не было, но, действуя острой щепкой, они сняли шкуру с мертвого зверя так быстро и ловко, как мы не сняли бы ее и ножом.

Они предлагали мне мяса, но я отказался, сделав знак, что дарю его им. Я попросил у них шкуру, которую они отдали мне очень охотно. Кроме того, они принесли для меня новый запас провизии, и я с радостью принял их дар. Затем я попросил у них воды: я взял один из наших кувшинов и опрокинул его кверху дном, чтобы показать, что он пуст и что я прошу его наполнить. Тогда они крикнули что-то. Немного погодя появились две женщины и принесли большой сосуд из обожженной глины (должно быть, дикари обжигают глину на солнце). Этот сосуд женщины поставили на берегу, а сами удалились, как и прежде. Я отправил Ксури на берег со всеми тремя кувшинами, и он наполнил их доверху.

Получив таким образом воду, мясо и хлебные зерна, я расстался с дружелюбными дикарями и в течение одиннадцати дней продолжал путь в прежнем направлении, не сворачивая к берегу.

Каждую ночь во время шторма мы высекали огонь и зажигали в фонаре самодельную свечку, надеясь, что какое-нибудь судно заметит наше крохотное пламя, но ни одного корабля так и не встретилось нам по пути.

Наконец милях в пятнадцати перед собой я увидел полосу земли, далеко выступавшую в море. Погода была безветренная, и я свернул в открытое море, чтобы обогнуть эту косу. В тот миг, когда мы поравнялись с ее оконечностью, я отчетливо увидел милях в шести от берега со стороны океана другую землю и заключил вполне правильно, что узкая коса — Зеленый мыс, а та земля, которая маячит вдали, — один из островов Зеленого мыса. Но острова были очень далеко, и я не решился направиться к ним.

Вдруг я услышал крик мальчика:

— Господин! Господин! Корабль и парус!

Наивный Ксури был так перепуган, что чуть не лишился рассудка: он вообразил, будто это один из кораблей его хозяина, посланный за нами в погоню. Но я знал, как далеко ушли мы от мавров, и был уверен, что они нам уже не страшны.

Я выскочил из каюты и сейчас же увидел корабль. Мне даже удалось разглядеть, что корабль этот португальский. «Должно быть, он направляется к берегам Гвинеи», — подумал я. Но, всмотревшись внимательнее, я убедился, что корабль идет в другом направлении и не имеет намерения поворачивать к берегу. Тогда я поднял все паруса и понесся в открытое море, решившись во что бы то ни стало вступить в переговоры с кораблем.

Вскоре мне стало ясно, что, даже идя полным ходом, я не успею подойти настолько близко, чтобы на корабле могли различить мои сигналы. Но как раз в ту минуту, когда я начинал уже отчаиваться, нас увидели с палубы — должно быть, в подзорную трубу. Как я узнал потом, на корабле решили, что это шлюпка с какого-нибудь утонувшего европейского судна. Корабль лег в дрейф, чтобы дать мне возможность приблизиться, и я причалил к нему часа через три.

Меня спросили, кто я такой, сперва по-португальски, потом по-испански, потом по-французски, но ни одного из этих языков я не знал.

Наконец один матрос, шотландец, заговорил со мной по-английски, и я сказал ему, что я англичанин, убежавший из плена. Тогда меня и моего спутника весьма любезно пригласили на корабль. Вскоре мы очутились на палубе вместе с нашей шлюпкой.

Невозможно выразить словами, какой испытал я восторг, когда почувствовал себя на свободе. Я был спасен и от рабства, и от грозившей мне смерти! Счастье мое было беспредельно. На радостях я предложил все имущество, какое было со мной, спасителю моему, капитану, в награду за мое избавление. Но капитан отказался.

— Я не возьму с вас ничего, — сказал он. — Все ваши вещи будут возвращены вам в целости, как только мы прибудем в Бразилию. Я спас вам жизнь, так как хорошо сознаю, что и сам мог бы очутиться в такой же беде. И как я был бы счастлив тогда, если бы вы оказали мне такую же помощь! Не забудьте также, что мы идем в Бразилию, а Бразилия далеко от Англии, и там вы можете умереть с голоду без этих вещей. Не для того же я спасал вас, чтобы потом погубить! Нет-нет, сеньор, я довезу вас до Бразилии даром, а вещи дадут вам возможность обеспечить себе пропитание и оплатить проезд на родину.

Глава 5

РОБИНЗОН ПОСЕЛЯЕТСЯ В БРАЗИЛИИ. — ОН СНОВА УХОДИТ В МОРЕ. — КОРАБЛЬ ЕГО ТЕРПИТ КРУШЕНИЕ

Капитан был великодушен и щедр не только на словах, но и на деле. Он добросовестно выполнил все свои обещания. Он приказал, чтобы никто из

матросов не смел прикасаться к моему имуществу, затем составил подробный список всех принадлежащих мне вещей, велел сложить их вместе со своими вещами, а список вручил мне, чтобы по прибытии в Бразилию я мог получить все сполна.

Ему захотелось купить мою шлюпку. Шлюпка действительно была хороша. Капитан сказал, что купит ее для своего корабля, и спросил, сколько я хочу за нее.

— Вы, — ответил я, — сделали мне столько добра, что я ни в коем случае не считаю себя вправе назначать цену за шлюпку. Сколько дадите, столько и возьму.

Тогда он сказал, что выдаст мне письменное обязательство уплатить за мою шлюпку восемьдесят червонцев тотчас же по приезде в Бразилию, но, если там найдется у меня другой покупатель, который предложит мне больше, капитан заплатит мне столько же.

Наш переезд до Бразилии совершился вполне благополучно. В пути мы помогали матросам, и они подружились с нами. После двадцатидвухдневного плавания мы вошли в бухту Всех Святых. Тут я окончательно почувствовал, что бедствия мои позади, что я уже свободный человек, а не раб и что жизнь моя начинается сызнова.

Я никогда не забуду, как великодушно отнесся ко мне капитан португальского корабля.

Он не взял с меня ни гроша за проезд; он в полной сохранности возвратил мне все мои вещи, вплоть до трех глиняных кувшинов; он дал мне сорок золотых за львиную шкуру и двадцать — за шкуру леопарда и вообще купил все, что у меня было лишнего и что мне было удобно продать, в том числе ящик с винами, два ружья и оставшийся воск (часть которого пошла у нас на свечи). Одним словом, когда я продал ему большую часть своего имущества и

сошел на берег Бразилии, в кармане у меня было двести двадцать золотых.

Мне не хотелось расставаться с моим спутником Ксури: он был таким верным и надежным товарищем, он помог мне добыть свободу. Но у меня ему было нечего делать; к тому же я не был уверен, что мне удастся его прокормить. Поэтому я очень обрадовался, когда капитан заявил мне, что ему нравится этот мальчишка, что он охотно возьмет его к себе на корабль и сделает моряком.

Вскоре по приезде в Бразилию мой друг капитан ввел меня в дом одного своего знакомого. То был владелец плантации сахарного тростника и сахарного завода. Я прожил у него довольно долгое время и благодаря этому мог изучить сахарное производство.

Видя, как хорошо живетесь здешним плантаторам и как быстро они богатеют, я решил поселиться в Бразилии и тоже заняться производством сахара. На все свои наличные деньги я взял в аренду участок земли и стал составлять план моей будущей плантации и усадьбы.

У меня был сосед по плантации, приехавший сюда из Лиссабона. Звали его Уэллс. Родом он был англичанин, но давно уже перешел в португальское подданство. Мы с ним скоро сошлись и были в самых приятельских отношениях. Первые два года мы оба еле могли прокормиться нашими урожаями. Но по мере того как земля разрабатывалась, мы становились богаче.

Прожив в Бразилии года четыре и постепенно расширяя свое дело, я, само собою разумеется, не только изучил испанский язык, но и познакомился со всеми соседями, а равно и с купцами из Сан-Сальвадора, ближайшего к нам приморского города. Многие из них стали моими друзьями. Мы нередко встречались, и, конечно, я зачастую расска-

зывал им о двух моих поездках к Гвинейскому берегу, о том, как ведется торговля с тамошними неграми и как легко там за какие-нибудь безделушки — за бусы, ножи, ножницы, топоры или зеркальца — приобрести золотой песок и слоновую кость.

Они всегда слушали меня с большим интересом и подолгу обсуждали то, что я рассказывал им.

Однажды пришли ко мне трое из них и, взяв с меня слово, что весь наш разговор останется в тайне, сказали:

— Вы говорите, что там, где вы были, можно легко достать целые груды золотого песка и других драгоценностей. Мы хотим снарядить корабль в Гвинею за золотом. Согласны ли вы поехать в Гвинею? Вам не придется вкладывать в это предприятие ни гроша: мы дадим вам все, что нужно для обмена. За ваш труд вы получите свою долю прибыли, такую же, как и каждый из нас.

Мне следовало бы отказаться и надолго остаться в плодородной Бразилии, но, повторяю, я всегда был виновником собственных несчастий. Мне страстно захотелось испытать новые морские приключения, и голова у меня закружилась от радости.

В юности я был не в силах побороть свою любовь к путешествиям и не послушал добрых советов отца. Так и теперь я не мог устоять против соблазнительного предложения моих бразильских друзей.

Я ответил им, что охотно поеду в Гвинею, с тем, однако, условием, чтобы во время моего путешествия они присмотрели за моими владениями и распорядились ими по моим указаниям в случае, если я не вернусь.

Они торжественно обещали выполнить мои пожелания и скрепили наш договор письменным обязательством. Я же, со своей стороны, сделал завещание на случай смерти: все свое движимое и не-

движимое имущество я завещал португальскому капитану, который спас мне жизнь. Но при этом я сделал оговорку, чтобы часть капитала он отправил в Англию моим престарелым родителям.

Корабль был снаряжен, и мои компаньоны, согласно условию, нагрузили его товаром.

И вот еще раз — в недобрый час! — 1 сентября 1659 года я ступил на палубу корабля. Это был тот самый день, в который восемь лет назад я убежал из отцовского дома и так безумно загубил свою молодость.

На двенадцатый день нашего плавания мы пересекли экватор и находились под семью градусами двадцатью двумя минутами северной широты, когда на нас неожиданно налетел бешеный шквал. Он налетел с юго-востока, потом стал дуть в противоположную сторону и, наконец, подул с северо-востока — дул непрерывно с такой ужасающей силой, что в течение двенадцати дней нам пришлось, отдавшись во власть урагана, плыть, куда гнали нас волны.

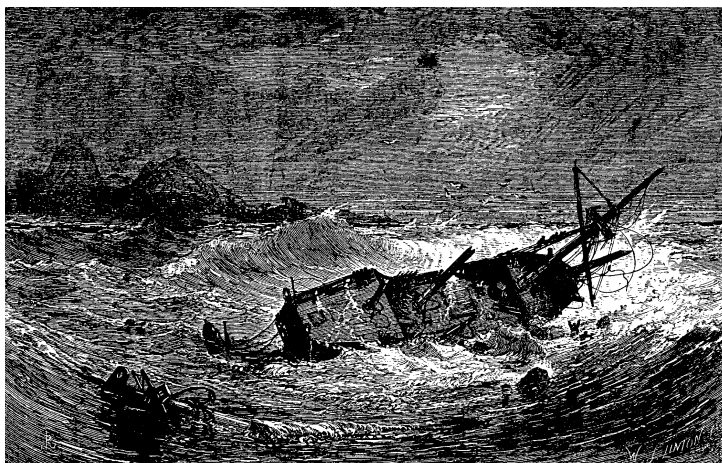
Нечего говорить, что все эти двенадцать дней я ежеминутно ждал смерти, да и никто из нас не думал, что останется в живых.

Однажды ранним утром (ветер все еще дул с прежней силой) один из матросов крикнул:

— Земля!

Но не успели мы выбежать из кают, чтобы узнать, мимо каких берегов несется наше несчастное судно, как почувствовали, что оно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки всю нашу палубу окатило такой неистовой и могучей волной, что мы принуждены были тотчас же скрыться в каютах.

Корабль так глубоко засел в песке, что нечего было и думать стащить его с мели. Нам оставалось одно: позаботиться о спасении собственной жизни.

У нас были две шлюпки. Одна висела за кормой; во время шторма ее разбило и унесло в море. Оставалась другая, но никто не знал, удастся ли спустить ее на воду. А между тем размышлять было некогда: корабль мог каждую минуту расколоться надвое.

Помощник капитана бросился к шлюпке и с помощью матросов перебросил ее через борт. Мы все, одиннадцать человек, вошли в шлюпку и отделились на волю бушующих волн, так как, хотя шторм уже поутих, все-таки на берег набегали громадные волны и море, по всей справедливости, могло быть названо бешеным.

Наше положение стало еще более страшным: мы видели ясно, что шлюпку сейчас захлестнет и что нам невозможно спастись. Паруса у нас не было, а если б и был, он оказался бы совершенно бесполезным для нас. Мы гребли к берегу с отчаянием в сердце, как люди, которых ведут на казнь. Мы все понимали, что, едва только шлюпка подойдет ближе к земле, прибой тотчас же разнесет ее в щепки. Подгоняемые ветром, мы налегли на весла, собственно приближая свою гибель.